

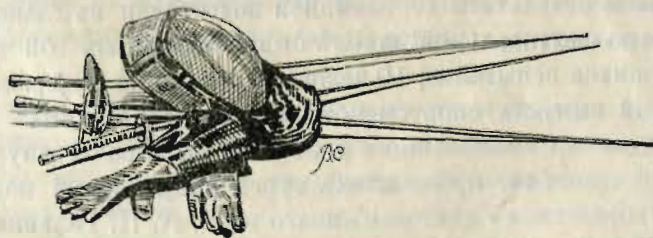
вольныхъ движеній, ввели незамѣнимое познаніе для каждаго военнаго: лазаніе по канату и бѣгъ на болѣе продолжительное разстояніе.

Кромѣ того, военный строй введенъ въ 1-мъ реальномъ училищѣ Императора Александра II въ выпускныхъ классахъ, ведутся занятія военнымъ строемъ подъ руководствомъ полковника Спиридоновича и поручика Калиновскаго. Въ 8-й гимназіи занятія военнымъ строемъ и практической стрѣльбой въ послѣдніе годы велись и ведутся непрерывно. Въ 3-мъ реальномъ училищѣ и гимназіи Я. Я. Гуревича занятія военнымъ строемъ ведутся подъ руководствомъ опытныхъ инструкторовъ.

Въ настоящее время съ начала мобилизаціи спорта, главнонаблюдающимъ разрѣшено открытіе военно-спортивныхъ комитетовъ кромѣ Петрограда и Москвы въ слѣдующихъ городахъ и населенныхъ пунктахъ Имперіи: въ Одессѣ, Нижнемъ-Новгородѣ, Казани, Перми, Ревелѣ, Кіевѣ, Кронштадтѣ, Ярославлѣ, Порховѣ (Псковской губ.), Нарвѣ, Петергофѣ, Самарѣ, Псковѣ, Бѣлозерскѣ (Новг. губ.), Екатеринодарѣ, Сычевкѣ, Черниговѣ, Калугѣ, Новгородѣ, Юрьевѣ, Ливнахъ, Архангельскѣ, Ростовѣ-на-Дону, Костромѣ, Прилукахъ (Полт. губ.), Витебскѣ, Люцинскѣ и въ Хвалынскѣ.

А. Хольмингъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

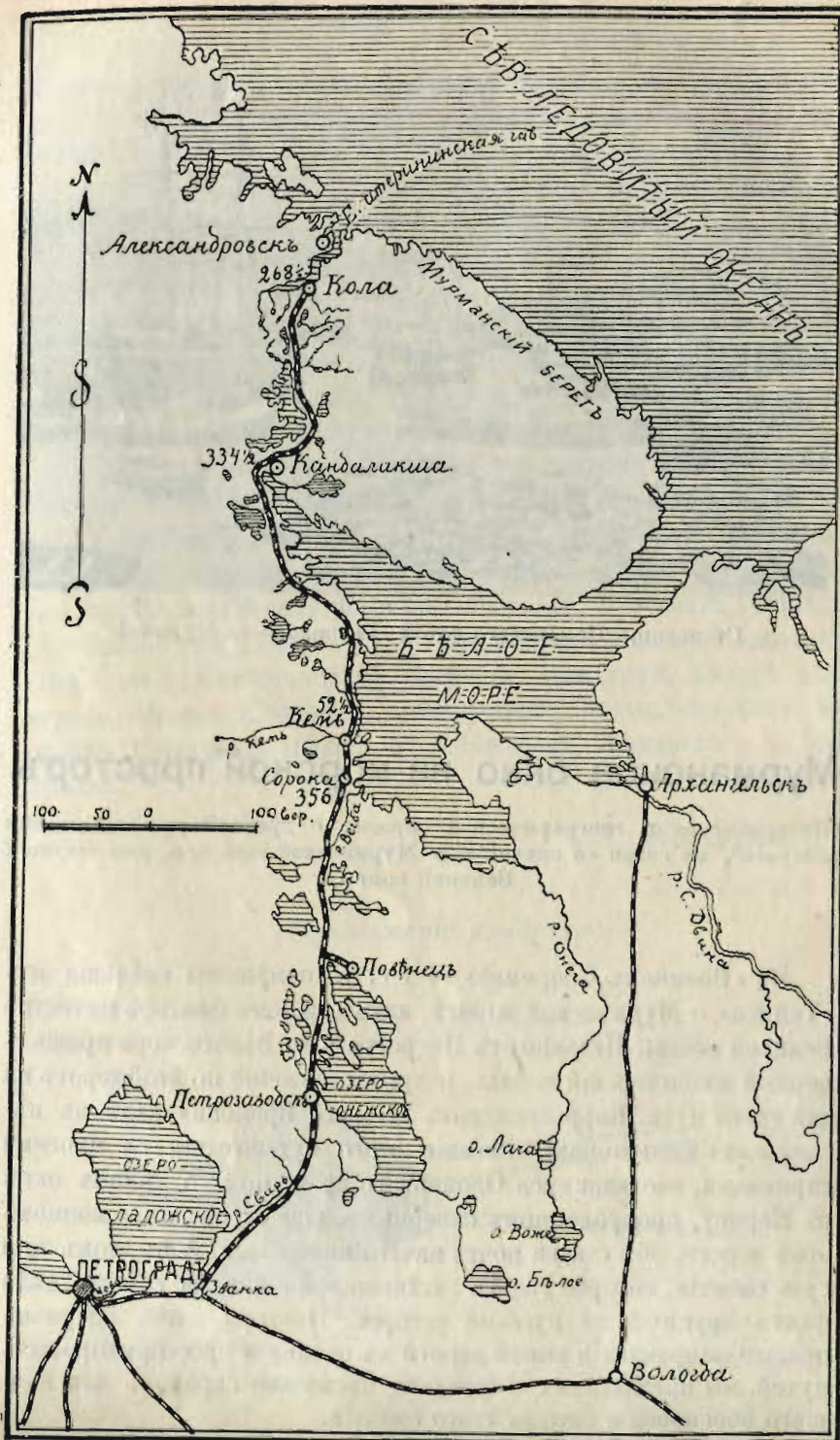

Становище Поморскаго флота — Гаврилово на Мурманѣ.

Мурманское окно на морской просторъ.

(Историческая и географическая справка о древней русской отчинѣ „Біарміа“, въ связи со значеніемъ Мурманской жел. дор. для текущей Великой войны).

Въ «Военномъ Сборникѣ» № 1 с. г. помѣщены свѣдѣнія изъ «Таймса» о Мурманской дорогѣ, какъ важномъ факторѣ на театрѣ Великой войны. Недавно отъ Петрограда до Бѣлаго моря прошелъ первый министерскій поѣздъ, открывъ движеніе по этой дорогѣ на двѣ трети пути. Корреспондентъ «Новаго Времени» далъ въ нѣсколькихъ фельетонахъ описаніе этого путешествія со многими справками, касающимися Олонецкаго края, но... о самомъ окнѣ въ Европу, прорубленномъ сѣвернымъ, еще строящимся концомъ этой дороги, обѣ статьи почти ничего не сказали. А въ этомъ то и суть событія, которое только затѣнено войной, а на самомъ дѣлѣ фактъ крупный въ русской исторіи. Повтора здѣсь рисунокъ общаго направленія новой дороги къ океану и простору міровыхъ путей, мы предлагаемъ читателямъ нѣсколько справокъ для лучшаго обоснованія смысла этого событія.

Раньше чѣмъ началась наша писанная исторія, раньше девятаго, стало быть вѣка, весь крайній сѣверъ Европы, нынѣ Архангельская и Улеборгская губерніи, Финмаркенъ, принадлежащій нынѣ Норвегіи, былъ завоеванъ и колонизованъ русскими. Его аборигены финскаго племени—самоѣды, зыряне, финны, кореллы и лопари были уже русскими данниками... Эти люди сами пожаловали сюда изъ за Урала, о чемъ и нынѣ говорятъ ихъ преданія, и кто знаетъ, можетъ быть они пришли уже на русскія земли, о чемъ наука все болѣе и болѣе собираетъ доказательствъ... Эти люди звались чудью (чудными, чудаками).

Наша писанная исторія начинаетъ свои уже извѣстныя записи объ этомъ край именно съ девятаго вѣка. Новгородъ при Ярославѣ Мудромъ имѣлъ уже договоръ съ Норвегіей о *давнихъ* своихъ правахъ на дань и хозяйничаніе во всемъ западномъ кускѣ этого края. Граница тогдашнихъ русскихъ владѣній здѣсь доходила до Люгенфіорда, возлѣ города Тромсэ на западномъ берегу теперешней Норвегіи. Сохранись эта граница до нашихъ дней, сѣверъ Европейской Россіи былъ бы давно культуренъ такъ же, какъ Норвегія и Швеція, а флотъ нашъ былъ навѣрное внушительнѣе на міровой аренѣ.

Древнее имя у насъ этого края было «Біармія», а попросту новгородцы звали его Заволочьемъ, что съ одиннадцатаго вѣка перешло и въ грамоты и договоры. Къ этому вѣку край не только посѣщался войсками, торговцами и проповѣдниками христіанства изъ Новгорода, но фактически былъ занятъ его начальниками, управлявшими краемъ, его волостями. Не одни новгородцы сюда тянули, но и русскіе (позже московскіе люди) съ Волжскаго бассейна. Пушныя и рыбныя богатства сюда привлекали. Архангельскъ построенъ въ двѣнадцатомъ вѣкѣ, въ видѣ Архангельскаго монастыря на урочищѣ Пуръ-Наволокъ, на правомъ берегу устья Сѣверной Двины. А нынѣшнее новое ж. д. окно въ Европу, г. Кола, извѣстна къ началу тринадцатаго вѣка. И много погостовъ и церквей уже было разбросано по побережью Великаго Ледовитаго океана въ западной части этого края до самаго Тромсэ трудами послѣдователей и учениковъ св. Сергія. Мѣстныя сказанія полны описаніемъ подвиговъ «богатырей-просвѣтителей» этого края. Только эти монастырьки до нашихъ дней держали здѣсь во многихъ мѣстахъ русскія права на эти мѣста и русское обаяніе, въ прямой укоръ наслѣдникамъ тѣхъ богатырей... Считаю съ писанной исторіи, съ девятаго вѣка, вотъ уже болѣе тысячи ста лѣтъ

этотъ край со всѣми его «окнами», столь поздно используемыми нами, принадлежит по праву Россіи. Древніе монастыри были здѣсь и центрами власти, и крѣпостями, и гнѣздами военной силы и ея базами-складами. Слѣдуетъ упомянуть: Николо-Корелинскій съ 1410 г., Соловецкій съ 1429 г., Трифоно-Печенгскій съ начала XVI вѣка. Главнымъ центромъ русской власти здѣсь отъ Сибири до Тромсѣ были Холмогоры, основанныя раньше писанной исторіи, по догадкамъ археологовъ, уже существовавшія при появленіи чуди и готовъ, какъ столица Біарміи.

Москва въ 1471 г., завоевавъ Новгородъ, стала хозяйкой и Заволочья и Двинско-Холмогорскаго края. Туда съѣли воеводы и пристава Москвы.

Соперниками русскихъ на западную часть этого края явились воинственные викинги и норманы. Тромсѣ возникъ на мѣстѣ стана этихъ воителей, называвшагося Дриадимой, въ XII вѣкѣ. Позже ими же построена крѣпостца Вардэ (Вардеусъ). Съ десятаго вѣка начинается военная исторія нашего состязанія оружіемъ съ хищными скандинавами, охотившимися на богатства этого края. Лѣтописи описали ихъ хищные набѣги съ моря: въ 918 на Двинскую губу, набѣгъ 1025 года на мѣсто нынѣшняго Архангельска, гдѣ тогда сгорѣлъ самоѣдскій языческій храмъ Юмала., и проч. Не разъ наши монастыри приходилось отстраивать вновь послѣ этихъ набѣговъ, особенно часто Николо-Корелинскій (Усть-Двинскій) и Трифоно-Печенгскій въ сѣверо-западной, древне-русской Лапландіи. Это все этапы успѣховъ русскаго оружія по отстаиванію отъ хищниковъ русской древней богатой «рыбой и звѣремъ, съ незамерзающимъ морскимъ просторомъ» отчины, дѣдины и прапрадѣдины.

Въ татарское нашествіе и смутное время ничто не мѣшало русской частной инициативѣ изощряться на здѣшнихъ промыслахъ, и здѣшніе колонисты тогда то и развили болѣе частыя сношенія съ сосѣдями иностранцами. Властямъ же Руси до временъ Петра Великаго, конечно, здѣсь было не до этого края. Край былъ къ его времени заселенъ русскими прочно, жилъ своей жизнью, имѣлъ свой торговый и рыболовный флотъ, свои связи съ Европой, своихъ мореходовъ на острова Ледовитаго океана... И царь Петръ захотѣлъ и сюда прорубить одно изъ своихъ оконъ въ Европу. Онъ сталъ здѣсь насаждать и колоніи, и промыслы, и морское дѣло... И все это пышно здѣсь цвѣло XVI—XVII вѣка. Тому причинами были, кромѣ обилія рыбы, морского звѣря и поощреній прави-

тельства, заведенное здѣсь съ 1562 года порто-франко. Уже въ концѣ XVI вѣка на Мурманскомъ берегу въ сезонъ лова являлось изъ Бѣломорскаго края до 7.426 русскихъ лодокъ съ 30.000 ловцами, тутъ же продававшихъ рыбу и звѣря на приходившія иностранныя суда. Многимъ не вѣрится такое свидѣтельство документовъ этого края, посадскихъ и церковныхъ записей. Корабли брали рыбу подъ флагами Норвегіи, Голландіи, Англіи съ Шотландіей. Тогда пудъ рыбы стоилъ 5 коп. (два лота серебра за 100 штукъ крупной трески, напримѣръ). Нынѣшнее ж. д. окно, г. Кола, было тогда этимъ центромъ транзита и управленія краемъ. Ходъ судовъ изъ европейскихъ странъ за русской рыбой былъ такъ «густъ», что датчане, владѣвшіе тогда Норвегіей, учредили въ Варде заставу-таможню, собиравшую налогъ съ судовъ, ходившихъ къ русскимъ за рыбой. Это была первая послѣ хищничества викинговъ мѣра иностранцевъ, подрывавшая пышный расцвѣтъ нашего сѣвера здѣсь. Къ этому съ 1646 г. прибавились неудачныя отечественныя распоряженія, разорывшія расцвѣтъ этого края: пошлины на рыбу, таможня въ Колѣ, сдача промысловъ на откупа русскихъ и иностранныхъ хищныхъ кампаній, что истощало край до 1691 г., т. е. до конца XVII в.

Теперь нѣтъ сомнѣній, что русское оружіе много поработало въ рукахъ новгородцевъ-поморовъ для заведенія промысловъ на Мурманѣ, для завоеванія обширныхъ морскихъ и звѣровыхъ—сухопутныхъ раіоновъ во всѣ стороны вокругъ Бѣлаго моря... Новая Земля и Желѣзныя Ворота въ Сибирь открыты русскими вольными мореходами съ незапамятныхъ временъ, ибо въ XVI в. иностранцы нашли тамъ русскіе кресты и свѣдѣнія о дорогѣ черезъ льды къ устьямъ сибирскихъ рѣкъ. Студеное море съ Медвѣжьимъ островомъ и Грумантъ-Шпицбергенъ были найдены иностранцами въ тѣхъ же условіяхъ, даже въ болѣе прочномъ занятіи ихъ древнеруссами, съ промысловыми избами, съ этапными избами-складами на пути русскихъ судовъ. Викинги не отваживались плавать грабить тѣ отдаленные русскіе берега. Въ концѣ XVIII в. у Шпицбергена было 270 русскихъ судовъ, съ 2.200 ловцами и съ 25 станами-зимовками. Иные поморы безвыѣздно жили тамъ. Поморъ Старостихинъ, умершій въ 1826 г. ѣздилъ туда 32 раза, оставаясь зимовать по нѣскольку разъ подрядъ.

Русскіе дали свои чертежи этихъ странъ первымъ картографамъ Европы. По новгородскимъ чертежамъ и записямъ голландцы издали въ 1612 году карту морского пути въ Сибирь (Исаакъ

Маасъ изъ Амстердама): изъ Бѣлаго моря, черезъ Желѣзныя—Карскія ворота, полуостровъ Ямалъ и Тазовскую губу, куда выходили сибирскіе пути (рѣками Мутной-Мордой и Зеленой и р. Карой, волокомъ въ р. Собью). По описаніямъ новгородцевъ, этотъ путь извѣстенъ съ XIII—XIV вв., причемъ тогда рубежемъ Азіи и Европы считали р. Обь, а не Печору въ Европѣ, т. е. много правильнѣе. Въ XVII в. въ Тазовской губѣ былъ городъ Мангазея съ заграничными товарами, мѣнявшимися на муку и мѣха. Тогда и позже—XVI—XVII в., до подрыва цвѣта края, была кипучая жизнь на Тиманскомъ, Самоѣдскомъ берегахъ, въ устьяхъ Мезени и Печоры, особенно около Каннинскаго полуострова, угавани Моржець, въ устьѣ р. Камбалицы (англичанинъ Бурро посѣтилъ тамъ промысловыя избы). Теперь тамъ еще пустыня...

При Михаилѣ Федоровичѣ начался раззоръ края ошибочнымъ указомъ 1616 года, отмѣнившимъ беспошлинность обскаго торговаго, наложившимъ запретъ на приходъ иностранныхъ судовъ туда. А въ 1617 году и русскимъ былъ запрещенъ морской сѣверный путь въ Сибирь «подъ страхомъ казни»... Это, раззоривъ цвѣтущій Обдорскій край, сокративъ развитіе поморскаго мореходства и промысла, на 250 лѣтъ, забросило и предало забвенію восточную половину всего русскаго Поморья и Студенаго моря.

Первые русскіе ученые, русскіе-нѣмцы, Литке и Беръ много помогли этому забвенію, описавъ Карское море, какъ непроходимый ледникъ...

И только съ середины XIX столѣтія, съ 60 годовъ русскій крѣпыши М. К. Сидоровъ разувѣрилъ въ этой баснѣ и насъ и иностранцевъ, что повело за собой экспедиціи англичанъ, шведовъ и знаменитый походъ «Веги» Норденшильда въ 1878 г. до Берингова моря. И двадцать лѣтъ затѣмъ беспошлинно пускались заграничные товары къ Оби и Енисею, велись описанія береговъ и фарватеровъ. Съ 1898 г. снова министерство финансовъ прекратило эту струю жизни стѣснительными правилами ввоза. И снова Обдорскій или Турухтанскій край расцвѣтутъ только отъ новаго, ожидаемаго порто-франко, когда облегчены будутъ внутренніе здѣсь налоги и пошлины. Ибо первыми ударами по цвѣту русскаго приморья были стрѣлецкая пошлина-десятина съ промысловъ и пошлина-таможня съ иностранцевъ 1665 г. А первыми магическими лучами къ новому расцвѣту были контръ-мѣры Петра 1691 года до прибытія туда своей персоной:—«Кольскихъ цѣловальниковъ и стрѣльцовъ на Мурманъ не посылать—такъ какъ ими чинятся

великія обиды и раззоренія Мурманскимъ промысламъ. Онъ же отмѣнилъ пошлину въ пользу монастырей. Онъ пробуетъ ввести для нуждъ арміи лучшей, голландскій засоль трески, камбалы и лососины-семги съ помощью кампаній Меньшикова, Евреипова. Изъ Голландіи прибываютъ посольщики, разрѣшенъ беспошлинный ввозъ соли туда для рыбнаго дѣла.

Но многое отвлекало энергію Петра отъ «Сѣвернаго окна на театръ міроваго торговаго простора». Екатерина II протектировала сѣверу, но монополія графа Шувалова на Мурманѣ была стѣснительна поморамъ. До Севастопольской кампаніи Русскій Сѣверъ дожидался вниманія правительства. Съ началомъ войны Даніи (владѣвшая Норвегіей) послала одинъ крейсеръ въ наши Сѣверныя воды для охраны нашихъ промысловъ. Но англійскіе и французскіе крейсера похозяйничали тамъ вволю. Они опустошали берега Мурмана и грозили конфискаціей рыбацкѣй флотиліи. Они прекратили плаваніе поморовъ на Шпицбергенъ и Новую землю, захирѣвшія съ тѣхъ поръ. Это же значительно сократило здѣсь торгъ съ Норвегіей... До послѣдней трети XIX в. (70-е годы) жизнь сѣвера была сонлива отъ всѣхъ этихъ причинъ: осѣдлые жители разбрелись, въ Колѣ стало всего 650 жителей; церкви стали «убогі», одна въ Печенгѣ, все еще не могла возстановить вокругъ себя раззореннаго еще шведами въ 1590 г. монастыря, другая, построенная еще Трифономъ въ 1565 г. на Пазь-рѣкѣ... Не было ни правильнаго пароходства, ни почты, ни медицинской помощи... Только Литке и Рейнеке въ періодъ 1821—32 гг. описывали эти заглохшіе берега. Западные наши сосѣди, конечно, принялись расхищать прилежащія части этого края, особенно тамъ, гдѣ мы и сосѣди пользовались изетари обоюдной свободой промысла, именно въ Финмаркенѣ, въ округахъ Тромсѣ и Норландѣ. Въ числѣ промысловъ было и собираніе данн съ лопарей, которые (какъ у юго-восточнаго края Каспія часть туркменъ), были всегда двоedanниками, въ зависимости отъ періодическихъ перекочевокъ то къ намъ, то къ сосѣдямъ, въ зависимости отъ роста корма для ихъ стадъ. Договоры Новгородъ съ Норвегіей 1323—1326 гг. полагали грани нашихъ правъ на западъ линію отъ мыса Лингстремъ къ истокамъ р. Маальсъ—Эльвенъ и по ней до впаденія въ Малаангенскій заливъ Атлантики, возлѣ Тромсѣ. И сейчасъ финляндскій рубежъ идетъ въ 4—5 миляхъ отъ этого залива. За эту черту ходили иногда хищные норвежскіе и датскіе откупщики «драть» дань съ нашихъ лопарей, до крайнихъ предѣловъ Лалландіи на востокѣ. Лопари были даже троedanниками (норвежцы, шведы и мы).

Забытый край, подобно Аляскѣ, дипломатія близоруко часто считаетъ за ничто. Такъ расправились и съ Финмаркеномъ, уступивъ его Швеціи въ 1596 г. (Тавзинскій договоръ). Нашъ рубежъ отступилъ на Вересъ-Бурге-Фіордъ, на Варангерскомъ заливѣ. А сейчасъ онъ идетъ, еще отступивъ на востокъ, по Пазь-рѣкѣ. Карлъ XII принялъ титулъ «короля корелловъ и лопарей», — конечно, самозванно. Онъ соорудилъ крѣпость въ Варангерскомъ заливѣ. Тогдашній хозяинъ этихъ мѣстъ, Данія вступила въ войну за это со шведами, отвоевавъ здѣсь свои права по договору 1613 г. съ Густавомъ Адольфомъ короля Христіана IV (Гнередскій договоръ). Съ освобожденіемъ Норвегіи, она признала нашей границей Вересъ—Наволокъ, попрежнему, съ правомъ нашихъ промышленниковъ по старинѣ съ XV вѣка ловить, охотиться и торговать далеко на западъ въ предѣлы сосѣдей, куда имѣли право кочевать съ оленями и лопари троеданники. Наглость датскихъ администраторовъ выражалась тѣмъ, что они, несмотря на протесты нашихъ воеводъ, присылали до 1808 г. въ самую Колу своихъ фогтовъ—сборщиковъ податей съ грамотами, претендовавшими на уплату, преслѣдуя только фискальныя цѣли, ибо тогда сосѣди не могли мѣряться съ нами колонизаторскими средствами, какъ стали позже (Норвегія до ½ XV в. была свободна и раздроблена на княжества, а съ 1450 г. ¾ вѣка до 1814 г. была подъ пятой Даніи, переуступившей ее по волѣ Наполеона Швеціи, по Кильскому договору, отъ опеки котораго она избавилась въ 1905 году). Потерянный нами Финмаркенъ насчитывалъ въ 1667 г. 3.240 жит., а черезъ сто лѣтъ (1769) 5.984. Шведы, получивъ его, стали усиленно колонизировать; въ 1825 г. тамъ 8.748 ч., въ 1900—33.000. вмѣстѣ съ тѣмъ росъ въ населенности и округъ Тромсѣ въ періодъ 1769—1900 съ 12.000 до 70.000 ч. Съ 1865 г. норвежцы стали искоренять преобладаніе тамъ русскихъ финновъ въ пользу колонистовъ норвежцевъ. Еще въ 1768 г. на 668 нашихъ финновъ было только 329 семействъ норвежскихъ, а послѣ того старанія, вскорѣ на 1556 финскихъ оказалось 1.749 норвежскихъ, а сейчасъ большая часть ихъ прочно онорвежилась, кромѣ ближайшихъ къ нашему рубежу.

Такимъ образомъ до середины еще XIX вѣка наши колонисты здѣсь стойко держали свою самобытность. Сперва съ 1562 г. потѣснены были отсюда русскіе безконтрольнымъ хозяйничаньемъ датскихъ монополистовъ изъ Бергена-ганзейскаго, потомъ, позже финны, проснувшейся Норвегіей.

Еще датскій губернаторъ Фіельштедтъ въ 1774 г. рапортовалъ о томъ, что у береговъ Финмаркена промыслы 1.300 русскихъ поморовъ съ 244 судами, и 81 судно грузило норвежскую рыбу для Архангельска. На островѣ у самаго Гаммерфеста было 13 русскихъ домовъ (Sörön). Русскіе въ Финмаркенѣ хозяйничали тогда какъ дома, о чемъ сохранилось много жалобъ норвежскихъ колонистовъ, втершихся въ этотъ край. Русскіе считались всюду здѣсь болѣе искусными, лучшими промышленниками, какъ рапортовалъ тотъ губернаторъ, и ловили «больше, чѣмъ подданные датскаго короля». Бергенскіе купцы терпѣли отъ русской конкуренціи и стремились выхлопотать для насъ стѣснительныя мѣры. Но датчане изъ фискальныхъ, конечно, цѣлей поощряли русскій торгъ и ловъ. Въ 1788 году сняты пошлины, наложенныя было, противъ которыхъ русскіе выдвинули свой «нажимъ». Русскіе добились признанія торговыми домами своихъ поселеній въ гг. Варде, Варсе и въ Гаммерфестѣ. Безъ русской мѣнковой торговли тогда сосѣди наши не могли еще обходиться. Именно, лѣтнюю рыбу, требующую сушки на воздухѣ, норвежцы не могли сушить въ ихъ дождливыхъ краяхъ («время червей») для сбыта въ Италію, Испанію, куда не шла соленая и свѣжая лѣтняя рыба, а только къ русскимъ... При малѣйшемъ капризѣ русскихъ краю грозилъ крупный убытокъ, почему имъ и давались всякія льготы: упрощенныя таможенныя порядки, меньшіе сборы, допущенъ русскій вѣсъ и проч. рядъ льготъ для мѣнковой торговли 1852, 1861, 1862 гг., беспошлинный ввозъ всѣхъ товаровъ, сухой рыбы, ворвани, муки, крупы, масла, солонины, лѣса, деготя, бересты...

Любопытно вліяніе Крымской кампаніи на этотъ товарообмѣнъ:

1850 г.	ввозъ къ намъ	198.635 пуд.	вывезено	163.902 пуд.
1855 г.	„ „ „	13.185 „	„	27.593 „
1860 г.	„ „ „	199.694 „	„	317.198 „

Несмотря на заброшенность этого края къ настоящей войнѣ, онъ давалъ для народа и арміи.

1901—1905 гг.: привозъ чужой рыбы 1.200.000 пуд. въ годъ въ среднемъ, но выбрасывалъ за границу хлѣба (муки—крупы) на 460.000 пуд.

Этотъ край драгоцѣненъ Россіи еще тѣмъ, что здѣсь возникъ единственный у насъ частный торговый значительный флотъ, которому имя—«Поморскій торговый и ловецкій флотъ». Онъ обслуживаетъ двѣ вещи—рыболовство и мѣнковую торговлю со Скандинавіей, причемъ послѣднее время больше развивается въ пользу торговли.

Флотъ этотъ пока большею частью парусный и насчитываетъ сейчасъ болѣе 450 крупныхъ парусниковъ, съ тоннажемъ за 20 тыс. тоннъ, при 3 тыс. моряковъ, его обслуживающихъ. До полутысячи судовъ постоянно каботажируетъ—крейсируетъ между нашимъ сѣверомъ и Норвегійю, а небольшая группа ходила и въ Швецію, въ Балтійское море, пока война не прекратила это. На смѣну парусниковъ идетъ пароходство. Но рынокъ Скандинавіи тѣсенъ и нашъ торгъ долженъ плыть дальше, чтобы сбыть до 40 т. хлѣба, не вмѣщающіеся тамъ ежегодно. Нашему поморскому маслу до войны мѣшалъ въ Норвегіи ввозъ масла изъ Даніи и Финляндіи и маргаринъ изъ Германіи. Поморскую солонину старалась вытѣснить солонина Америки, а поморскій лѣсъ старался вытѣснить норвежскій законъ, запрещающій деревянные постройки. Но береста еще идетъ, пока у насъ ее не запретятъ обдирать, какъ во всей Европѣ.

Норвежскій царовой флотъ—конкурентъ нашему парусному «Помору». Новая политика Норвегіи стремится стѣснить наши тамъ права. Насъ стѣсняютъ въ покупкѣ рыбы прямо отъ ловцовъ, въ самостоятельной ловлѣ въ норвежскихъ водахъ... Но мелководство Бѣломорья покровительствуетъ паруснымъ «Поморамъ».

Наша дипломатія теперь, съ проведеніемъ рельсъ въ этотъ край, заведетъ съ Норвегійю болѣе настойчивые разговоры по части сохраненія въ ея водахъ нашихъ, хотя бы только рыболовныхъ, сервитутовъ, которые тамъ страдаютъ отъ незаконныхъ притѣсненій. Сервитуты внѣшніе столь же необходимы, какъ и внутренніе и надо полагать, что Дума замолвить слово за нихъ. Съ 1830 г. мѣста лова русскихъ были незаконно ограничены въ Норвегіи только шестью пунктами на пространствѣ Вардсе—Нордкапъ (Кибергъ, Гавнингсбергъ, Бордсфюрдъ, Берлевогъ, Гамвигъ и Стенгвигъ). Кромѣ того запрещалось подходить къ берегу ближе миль. Миль норвежцевъ—6,95 версты. Дипломатія не оформила своевременно и этого права и на него пошли стѣсненія, почему послѣдніе 20 л. русскіе ловили большею частью въ самомъ ближнемъ урочищѣ—Кибергъ... На это время туда выходятъ крейсера «Краснаго Креста» и «Общества спасенія на водахъ». Туда ходило и вообще въ воды Финмаркена всего нынѣ 35 судовъ, съ полуторастами ловцовъ... Но въ 1911 г. норвежцы издали законъ, что съ 1913 г. права русскихъ на сервитутъ отмѣняются... И наша дипломатія еще не защитила поморскихъ, русскихъ интересовъ тамъ.

Поморское промысловое судно—сла.

Норвежская звѣробойная яхта.

Моторная пихуна норвежскаго поселенца на Мурманѣ.

Промысловое судно съ каютю—фембуригъ.

Новый край нашъ, въ смыслѣ новизны рельсъ туда, нужно сравнять въ благоустройствѣ съ сосѣднимъ Финмаркеномъ, превращеннымъ нынѣ Норвегійю въ культурный уголокъ Европы: маяки, малые огни, опознательные знаки, гавани, молы и прочія приспособленія для судовъ, рыболовный надзоръ, быстрые пароходные рейсы, телеграфы, телефоны, школы, больницы, церкви, кредитъ промыслу, судостроенію, 20 спасательныхъ крейсеровъ и многое другое, до отнятія промысловъ сосѣдей въ пользу своего

народа... Такъ отняты были у нашихъ лопарей ловы семги, пастьбища оленей и лѣсные промыслы...

Граница наша съ Норвегіей — чрезвычайно яркая картина совершенно неудачной, неискусной политики со стороны нашей. Эти колоссальные промахи начались съ 1826 года, когда мы повели границу не отъ Вересъ-Наволока, по соименной губѣ, затѣмъ по Пассъ-рѣкѣ до Финляндіи, согласно Тязвинскаго договора, — но неестественными, прямо искусственными зигзагами (по р. Варьемѣ, переименованной нынѣ въ Якобсъ-эльфъ) и р. Пазъ. Этими зигзагами умышленно въ пользу иностранцевъ, и безъ всякихъ съ ихъ стороны, правъ, претензій и просьбъ Россія лишилась:

1) Самыхъ лучшихъ незамерзающихъ и окаймленныхъ лѣсами живописнѣйшихъ заливовъ Няведомскаго, Пазрѣцкаго и Ровдинскаго съ окрестными землями.

2) нашихъ исконныхъ земель, вродѣ побережья къ западу отъ церкви Бориса и Глѣба (участокъ при церкви въ двѣ квадратныя версты на устьѣ р. Пазъ, за рѣкой, губа которой и путь къ церкви уступленъ Норвегіи), выгороженной намъ съ крохотнымъ участкомъ, — вплоть до мыса Вереса, около котораго, какъ безспорно русскаго мыса нашъ лейтенантъ Рейнеке еще передъ самымъ разграниченіемъ, въ 1826 году, производилъ опись нашихъ береговъ и отмѣтилъ въ становищѣ Шапкино, въ Няведомской губѣ, заплывшіе слѣды приморской нашей батарей, изъ которой въ 1808 г. мы защищали нашихъ ловцовъ, на самомъ западномъ тогда нашемъ промыслѣ въ Финмаркинѣ. Тамъ же искони стояла православная Няведомская часовня, построенная Трифономъ для лопарей и рыбаковъ.

3) нашихъ исконныхъ земель Финляндіи по Южному Варангеру, кои были финскими съ трактата 1751 года, сохранивъ за Норвегіей, въ то же время, права на Финскій Лапмаркенъ до 1825 года, когда мы сами указомъ прекратили тренія, способныя бы повести къ пересмотру уступки, запретивъ лопарямъ нашимъ и норвежскимъ заграничныя перекочевки.

Какъ и почему это случилось?

Иностранцы винятъ нашего комиссара Галямина въ неосвѣдомленности, въ томъ, что его ловко обошли скандинавскіе комиссары, а еще въ томъ, что мы не вызвали въ комиссію понятыхъ съ Поморья и изъ Финляндіи изъ населенія, заинтересованнаго въ этихъ краяхъ. Не было, стало быть, понятыхъ представителей и

это повело къ «совершенно неподдающейся логическому объясненію» прирѣзкѣ сосѣдямъ клина съ заливомъ Ровдинскимъ между рр. Пазъ и Варьемой, какъ справедливо замѣчаетъ одинъ изъ изслѣдователей нашего сѣвера. Нарочно этого не сдѣлаешь, такъ это было невыгодно. И поправимо ли теперь??

Эти уступки прошли съ двумя условіями:

а) шесть лѣтъ, съ 1826, мы можемъ ловить рыбу и звѣрей въ водахъ и лѣсахъ этого края,

б) а наши Пазрѣцкіе лопари и наши поморы, если они пользовались съ незапамятныхъ временъ (поправка въ договорѣ 1834 г.) ловомъ семги въ губахъ Пазрѣцкой и Ровдинской, имѣютъ право пользоваться имъ всегда, но лишь старинными способами, лопарскими гаврами... И вотъ впереди этихъ гавръ-допотопныхъ норвежцы выставляютъ современные кильноты... Все это привело къ тому, что наши безотвѣтные лопари стали посѣщать только 5 изъ своихъ 12 тоней.

Знатки сѣвера проектируютъ выкупъ нами этихъ старинныхъ русскихъ земель, но удастся ли онъ? Лучше новую конвенцію съ исправленіемъ нашихъ промаховъ. Уже норвежцы всячески оттягиваютъ и Шницбергенскій архипелагъ, угоды нашего же сѣвера, находящійся въ общемъ пользованіи, заводя тамъ рудное дѣло, зимовки, беспроволочный телеграфъ, срочные рейсы... Намъ тоже надобно торопиться со всѣмъ этимъ.

Надо соперничать и въ колонизаціи сѣвера. Норвежцевъ 2.300.000, изъ коихъ 100.000 живетъ на ближайшемъ къ намъ сѣверѣ. До 1¹/₂% ихъ ищеть себѣ колоній у сосѣдей, и мы въ 1858 г. дали было имъ льготы у себя, въ видѣ надѣла въ 15 десятинъ, чѣмъ воспользовалось нѣсколько норвежскихъ семей... Однако, вмѣсто культуры страны, они занялись скупкой рыбы, торгомъ. Мы дали льготы и своимъ колонистамъ: освобожденіе отъ воинской и другихъ повинностей, гербоваго сбора, бесплатный торгъ и промыслы звѣря и рыбы, премію въ 200 р. и кредитъ въ 150 р. (съ 1868—1876 гг.). Сблзанились мы и культуртрегерами изъ Финляндіи, вмѣсто норвежцевъ, которыхъ стали выселять за корчемство и ростовщичество, но и финны-колонисты смотрятъ тамъ особнякомъ... Возьмемъ одинъ Мурманъ: тамъ до 3.000 осѣдлыхъ и до 4.000 лѣтуетъ за рыбой. Изъ постоянныхъ, русскихъ 313 семей, финновъ—200, лопарей-кореляковъ—83, норвежцевъ—74, зырянъ-эстонцевъ—2, а всего 672 семьи, на всѣ 1.500 верствъ берега, отъ Святого Носа до Норвегіи. Во всей же Лапландіи (Александров-

скій уѣздъ), на 150 т. кв. верстѣ лѣтомъ около 10 т., изъ коихъ русскихъ до 6 т., лопарей около двухъ тыс., финовъ около полутора тыс., кореляковъ четверть тысячи, норвежцевъ пятая тысяча, да зырянъ, самоѣдовъ и эстовъ столько же, сколько кореляковъ.

По желѣзной дорогѣ туда найдеть, конечно, значительное количество русскихъ.

Русскіе (постоянные жители) группируются въ городкахъ (Александровскъ, Кола, Печенга), по восточному и южному берегу Мурмана. По западной окраинѣ норвежцы, фины, лопари, а внутри страны—самоѣды, зыряне, съ центромъ въ Ловозерѣ. Норвежцы сидятъ на берегу океана, заняты морскими промыслами. Фины—въ глубинѣ фьордовъ ихъ луговъ и лѣсовъ, заняты скотомъ и морской рыбой. Тѣ и другіе живутъ хуторами. Русскіе напротивъ селятся кучно, какъ и кореляки.

Пути сообщенія развиваются съ 1904 года. Раньше пароходство прерывалось на 7—8 холодныхъ мѣсяцевъ.

Восточный Мурманъ голый—безъ лѣса и пастбищъ, западный болѣе богатъ растительностью.

Семнадцать лѣтъ назадъ произведены изысканія для двухъ желѣзнодорожныхъ линій: Петроградъ—Петрозаводскъ—Повѣнецъ—Сумской посадъ—Кемь—Кандалакша—Кола—Александровскъ и вѣтвь отъ Сумского посада—Онега—Архангельскъ. Сейчасъ осуществился варьянтъ первой линіи, готовый на южной своей половинѣ.

Насъ интересуетъ западъ нашего европейскаго сѣвера, къ западу отъ меридіана г. Архангельска. Повторимъ вкратцѣ его географію.

Край омываетъ Сѣверный Студеный или Ледовитый океанъ, съ востока и юго-востока Бѣлое его море, а съ сѣвера Мурманское или Баренцово. Эти моря мельче сосѣднихъ частей Атлантическаго океана, гдѣ къ западу отъ Нордкапа глубины до 1.000 и болѣе сажень, а у Мурмана въ 200 сажень только на западѣ, да къ Медвѣжьему острову. Чѣмъ мельче къ востоку море, тѣмъ ниже и берегъ его. Въ Мурманскомъ морѣ есть и полосы глубины и полосы мелей—банки. Изъ послѣднихъ замѣчательны съ востока полуострова Рыбачьяго, у Териберки и около Канинскаго полуострова.

Изученіе водъ нашего сѣвера, съ ихъ химическими процессами, фауной и флорой, съ ихъ теченіями, температурами... стоитъ на значительной у насъ высотѣ. Особенно нами хорошо изученъ, по свидѣтельству иностранцевъ, Гольфштромъ, главный благодѣтель нашего сѣвера, упирающійся сюда.

Онъ, этотъ благотворный мексиканецъ, проходя вдоль норвежскаго берега, раздваивается (около 72 град. с. ш.), посылая большую часть потока на сѣверъ, къ Шпицбергену. къ сѣверо-западной части архипелага, откуда на сѣверо-востокъ, затѣмъ на в. къ Новосибирскимъ островамъ, гдѣ изъ доннаго потока обращается въ близкій къ поверхности. Этотъ потокъ дѣлалъ мягкимъ климатъ нѣкихъ фьордовъ Шпицбергена и приманивалъ съ древнихъ временъ нашихъ смѣлыхъ поморовъ. Къ намъ идетъ меньшая вѣтвь, поверхностная—«нордкапское теченіе»—отбрасывающее въ стороны вѣтви, изъ коихъ первую въ пространство между Шпицбергеномъ и Медвѣжьимъ островомъ. Съ 30-го меридіана нашъ токъ двоятся. Сѣверная часть вѣромъ расходится подводно къ землѣ Франца Иосифа (въ Бристольскій ея каналъ), къ Новой землѣ... Южная идетъ къ берегамъ Европейской Россіи тремя вѣтвями, причемъ зимой границы Гольфштрома и его вѣтокъ ясны, а въ теплое время года расплывчаты. Въ Бѣлое море Гольфштромъ не входитъ и потому оно низкой температуры. Доходитъ: къ Канину, къ Мал. Кармакуламъ, Н. Землѣ и Карск. воротамъ (лѣтомъ).

Ближайшій къ намъ токъ идетъ въ 100—120 в. отъ Мурмана. Отъ него ясныя струи къ Варангеру, Мотовскому, Кольскому заливамъ и къ восточному Мурману.

Съ теплотой Гольфштрома борется температура арктическихъ водъ, въ которыя онъ врѣзывается. Его сѣверныя вѣтки охлаждають арктическія воды до минусъ 2 градусовъ. Наша же южная вѣтка болѣе стойка. Болѣе всего ее охлаждаетъ въ апрѣлѣ, а къ ноябрю опять нарастаетъ ея тепло до предѣла возможности. Гольфштромъ же держитъ въ почтительномъ отдаленіи отъ Мурмана край полярныхъ льдовъ, различно въ различные годы. Это хорошо видно на чертежѣ для ближайшаго къ намъ времени.

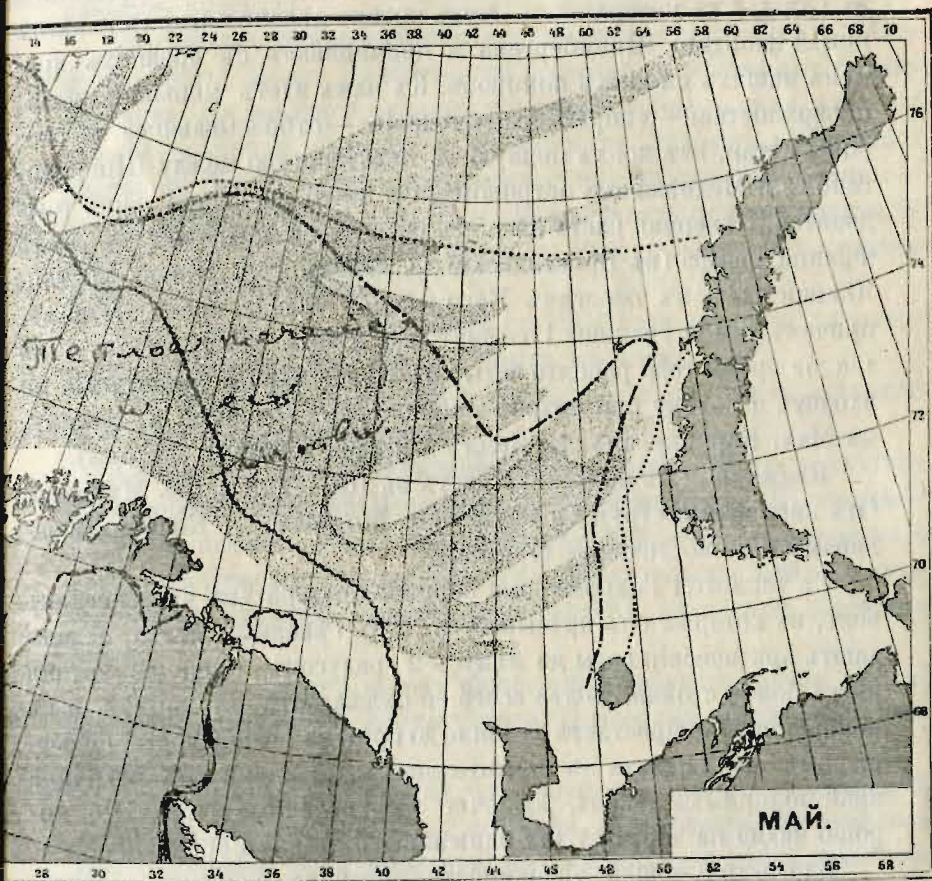
Благодаря общей усвоимости океаномъ солнечнаго тепла, особенно благодаря Гольфштрому, нашъ сѣверъ, западный сѣверъ, 68—77 град. свободенъ отъ льда или вовсе (Мурманъ) или періодически (Сибирь) и годенъ для плаванья. Любопытно, что этотъ теплый потокъ ползетъ очень медленно и въ два только года добирается до насъ послѣ того, какъ прошелъ онъ между Исландіей и югомъ Норвегій.

Климатъ Мурманскаго края имѣетъ зиму нѣсколько теплѣе Петрограда, а лѣто холоднѣе его, при болѣе низкой средней годовой температурѣ, сравнительно съ Петроградомъ. Но это только по самому краю Мурманскаго моря, а при удаленіи отъ него

вглубь страны климатъ значительно суровѣе: лѣто жарче, а зима холоднѣй. На Лапландскомъ же плоскогоріи—вѣчный снѣгъ.

КАРТА ЮЖНОЙ ГРАНИЦЫ ЛЬДОВЪ

— 1902 — 1903 — 1904/05 гг.

Мурманское побережье обильно воздушной влагой, тамъ девять десятыхъ пасмурныхъ дней (90%). Здѣсь воздухъ рѣдко покоенъ, особенно лѣтомъ—это вѣтряный «парусный» край. Лѣтомъ дуютъ: с.-з.; с.-в.; в.;... Эти вѣтры несутъ холодъ и туманъ. Они дуютъ съ моря, разводятъ большое волненіе, и надобна привычка помора не прекращать во время ихъ ловли и бороться съ опасностью. Это дивная естественная школа мореходства.—Но опаснѣйшіе вѣтры ю.-в.; ю.-з... часто внезапно-шквальные, какъ бы срываются съ горъ края. Зимой дуютъ ю.-з., принося холодъ. Морскихъ вѣтровъ большинство (56%), береговыхъ меньше поло-

вины (34,1%), а затишье—одна десятая случаевъ (9,8%). По силѣ волны, въ ловецкое, лѣтнее время (волненія выше 4 балловъ) половина времени невозможна для беспалубныхъ судовъ (старыя поморскія елы и карбасы). Въ заведеніи палубныхъ судовъ мы сейчасъ отстали отъ Норвегіи.

Предметами рыбнаго промысла служатъ рыбы: а) постоянныя и б) проходныя, подходящія періодически къ берегамъ и въ рѣки для метанія икры и исчезающія затѣмъ въ глубяхъ океана, недоступныхъ сѣти, сверхъ небольшого числа, задерживающагося въ рѣчкахъ. Къ первымъ причисляютъ: треску, пикшу, сайду, навагу, зубатку, палтуса, морскую камалу и сельдь, а ко вторымъ: семгу-лосось и гольца-лосось.

Раіоны промысловъ: Мурманскій (морской и прибрежный), Бѣломорскій, Канино-Мезенскій и Печорскій. Первый чисто морской, вдали отъ берега, а прочіе прибрежные (въ заливахъ, устьяхъ, съ берега, со льда...). Самый важный, государственный—мурманскій, дающій въ среднемъ полъ милліона пудовъ рыбы въ годъ, дѣлающій моряками до 5 т. россіянъ, поддерживающій развитіе самобытнаго поморскаго, пока главнымъ образомъ паруснаго флота, со временъ новгородскихъ карбасниковъ и ушкуйниковъ. Ловцы на двѣ трети крестьяне Кемскаго и Онежскаго уѣздовъ, прорываемыхъ Мурманской ж. дорогой. Ловля ярусной снастью, и зарождается ловля тральными снастями съ паровыхъ судовъ. Треска 70%, пикша 20% и 10% остальные (сайда, зубатка, палтусъ и проч.). Стоимость въ полъ милліона рублей.

Затѣмъ великъ на Мурманѣ уловъ семги. Ловятъ мѣстные, тогда какъ въ морѣ пришлые. Ловъ у берега и въ рѣчкахъ, еще съ примѣненіемъ хищническихъ способовъ (сплошные заколы-заборы и козлы). Всего Мурманъ ловитъ до 9 т. п. семги, особенно много въ Кольскомъ заливѣ и р. Туломѣ, впадающей тамъ. Затѣмъ сельдь—до 5 т. п. Кроме того иностранцы ловятъ въ нашихъ тамъ моряхъ до ½ мил. пудовъ въ годъ. А всего сѣверъ нашъ даетъ милліонъ пудовъ рыбы.

Треска есть мѣстовая, всегда живущая у береговъ и на меляхъ, и проходная, болѣе многочисленная, которой и держится промыселъ. Насъ питаетъ треска, приходящая изъ океана переститься у острововъ Норвегіи (декабрь—январь) и идущая затѣмъ отъѣдаться на весну и лѣто на мелководья нашихъ морей. Нынѣ рыба часто не стала доходить до самыхъ береговъ, а останавливается верстахъ въ ста на тепломъ теченіи (противъ западнаго Мурмана), что сократило время лова у береговъ съ 6 на 3 мѣсяца. Но восточ-

ный Мурманъ еще видить у береговъ треску со второй половины лѣта.

Наши морскія суда: шняка (60%), ела (30%) и карбасы не могутъ соперничать съ прочими палубными судами (10%). Шняки строимъ мы сами, на пудовъ 300 груза, за 100 р., на 18 лѣтъ службы, для выѣздовъ за 25—60 в. въ море. Ела—норвежскій типъ на 60—450 пуд., съ лучшими мореходными качествами, стоитъ 30, 50, 100 р. Она безъ палубы. Карбасы годятся у берега. На смѣну этимъ старикамъ идутъ новыя палубныя и паровыя суда, въ которыхъ пока поморовъ перешеголяли норвежцы. Но вмѣстѣ съ проведеніемъ къ Мурману рельсъ, закипитъ у насъ, надо полагать, и конкуренція съ иностранцами по поводу примѣненія палубнаго и парового флотовъ и болѣе прочнаго обоснованія на Шпицбергенскомъ архипелагѣ. Всего иностранцы (Англія, Германія, Голландія и Бельгія) вылавливали тамъ, въ нашихъ водахъ до полумилліона пудовъ (въ 1908 году—473.730 п.). Поднимется и лучшее приготовленіе нашей рыбы (съ вынутіемъ хребта, съ лучшей солью и проч.). Недавно на эту сторону дѣла обратило серьезное вниманіе наше военное вѣдомство. Съ 1905 года, со времени увеличеніе дачи солдату мяса до $\frac{3}{4}$ фунтовъ и приварочныхъ денегъ до $2\frac{1}{2}$ коп., съ признаніемъ комиссіей академика Данилевскаго желательнымъ ввести треску и сайду въ питаніе арміи—на нашъ засолъ этихъ рыбъ обращено самое серьезное вниманіе. Вотъ таблица питательности мурманскихъ рыбъ, сравнительно съ мясомъ:

Мясо въ сухомъ консервѣ	74,64	проц.	бѣлковъ.
(а въ свѣжемъ видѣ)	19,42	”	”
Треска сухая	76,38	”	”
(а въ свѣжемъ видѣ)	15,14	”	”
Соленая треска	24,25	”	”
(а въ свѣжемъ видѣ)	17,94	”	”
Соленая сайда	19,42	”	”
” палтусъ	17,92	”	”

Мы уже не говоримъ про болѣе дорогіе сорта рыбы (семгу, навагу), недоступные по цѣнѣ арміи, добываемые въ массахъ же на нашемъ сѣверѣ... Мурманская дорога открываетъ арміи широкія питательныя перспективы. Она же увеличиваетъ и средства быстрой и валовой полочки нами изъ-за границы военныхъ заказовъ. При широкой же колонизаціи ея края мы воздвигнемъ не только барьеръ, но и контръ-вліяніе онорвеженію и офиненію нашего запада тамъ. При военной же непогодѣ со стороны Скандинавіи, эта дорога тоже сыграетъ свою роль, вдобавокъ она хорошо укрыта въ лѣсисто-болотистыхъ своихъ дебряхъ.

УВЕРТЮРА ИЛИ ФИНАЛЬ?

(Романъ изъ временъ Японской войны—последнее произведеніе покойнаго писателя Г. Г. Тютчева).

I.

Яркіе лучи осенняго солнца буйно врываются широкими снопами въ высокія окна N Харбинскаго военнаго госпиталя и заливаютъ свѣтомъ небольшую комнату съ блестящимъ, заново выкрашеннымъ охрою поломъ и яркобѣлыми обнаженными стѣнами.

У одной изъ стѣнъ комнаты, отгороженной отъ окна невысокими ширмами, бѣлбють, параллельно одна другой, двѣ больничныя койки съ деревянными шкафами у изголовья, на которыхъ, выстроаясь въ рядъ, какъ солдаты на смотру, громоздятся разнокалиберныя склянки съ лѣкарствами, эмалированная кружка, графинъ съ какимъ то мутнымъ питьемъ и подсвѣчникъ со свѣчей подъ бумажнымъ зеленымъ абажуромъ.

Кругомъ царитъ холодная, мертвящая, педантичная чистота, присущая большинству военныхъ госпиталей. Все вычищено, отла-